

Научная статья
УДК 111:115
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>

Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии

Алексей Дмитриевич Дурнев^{1,2}

¹Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, a.durnev.ph@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1248-4685>

²Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов концептуализации события при использовании феноменологического и герменевтического подходов в рамках событийной онтологии. Рассмотрение начинается с выявления особенностей введения термина «событие» (Ereignis) Хайдеггером. Далее разобрана специфика обращения к событию в рамках феноменологии и герменевтики. Показано, что в ходе феноменологической редукции и герменевтической интерпретации базовых онтологических концептов (время и бытие) решается задача не только характеристики этих понятий, но и рефлексии над сложившейся традицией в историко-философской перспективе. Осуществляемый анализ понятия «событие» вскрывает многоаспектность связанных с ним концептов времени и бытия, которая обусловлена их имманентными характеристиками. В этом отношении феноменология и герменевтика производят синергичный эффект, обеспечивая, с одной стороны, методологическую последовательность исследования, а с другой – позволяя находить новые пути в онтологической перспективе.

Ключевые слова: событие, Ereignis, время, бытие, онтология, герменевтика, феноменология, традиция

Для цитирования: Дурнев А.Д. Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 53–58. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>.

Original article

Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing the event in ontology

Alexey D. Durnev^{1,2}

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, a.durnev.ph@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1248-4685>

²Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of ways to conceptualize the events using phenomenological and hermeneutic approaches within the framework of event ontology. The review begins with identifying the features of introduction of the term “event” (Ereignis) by Heidegger. Further, the specific of addressing the event in the framework of phenomenology and hermeneutics is analyzed. It is shown that in the course of phenomenological reduction and hermeneutical interpretation of the basic ontological concepts (time and being), the task is solved not only to characterize these concepts, but also to reflect on the established tradition in a historical and philosophical perspective. The analysis of the concept “event” reveals the multidimensional nature of concepts of time and being associated with it, which is due to their immanent characteristics. In this regard, phenomenology and hermeneutics produce a synergistic effect, providing, on the one hand, a methodological sequence of the research, and on the other – allowing finding new ways in the ontological perspective.

Keywords: event, Ereignis, time, being, ontology, hermeneutics, phenomenology, tradition

For citation: Durnev A.D. Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing the event in ontology // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 53–58. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>.

В настоящее время событийная онтология является актуальным онтологическим дискурсом, в котором бытие тематизируется как событие [1, с. 12]. В основе данной концепции лежит понятие события, трактуемое в смысле хайдеггеровского Ereignis. Немецкий мыслитель указывал, что о самом событии возможно сказать лишь только то, что оно сбывается. М. Хайдеггер отмечал также, что событие есть раскрытие бытия или сбывание истины (αλήθεια) [2, с. 406].

Хайдеггеровское понятие события является, пожалуй, центральным для событийной онтологии. Такая ситуация обусловлена рядом причин. Во-первых, немецкий мыслитель является одной из ключевых фигур как онтологической, так и философской мысли XX в. в целом. Его труды получили множество самых разнообразных рецепций в областях онтологии, этики, философской антропологии, философии культуры и искусства. Во-вторых, хайдеггеровское понимание события как

Ereignis является одним из наиболее онтологически фундированных. Иными словами, наличие множества разнородных подходов к одному и тому же термину может привести к разговору об «омонимах», когда под одним и тем же понятием стоит разный «знаменатель» [3, с. 129]. В этом свете Ereignis оказывается самым непосредственным образом близко к такому «знаменателю», как бытие.

В своих исследованиях Сергей Сергеевич Хоружий, руководствуясь антропологической предпосылкой, отмечает, что у Хайдеггера невозможно описывать фундаментальное положение между бытием и человеком, минуя понятие «событие» [4, с. 358]. Однако при обращении к философии события через Хайдеггера существует большая сложность: его работы соответствующего периода характеризуются отсутствием системности, некоей явно намеченной сетки координат [5, с. 357]. Из этого вытекает и «топический» способ речи о событии: прямые и четкие определения терминов уступают место контекстуальному повторению варьирующихся формулировок [6].

С.С. Хоружий указывает, что сам концепт события является источником столь специфического стиля речи [7, с. 358]. Однако некоторые места из текстов как самого Хайдеггера, так и его интерпретаторов позволяют дать более полный абрис мотивов к изменению стиля философствования. Ввиду обозначенной важности термина, а также трудностей, возникающих при его разборе, напрашивается необходимость определить основные характеристики, выявляемые при разработке данной темы. В условиях многообразия подходов к концепту «событие» данная работа концентрируется на сопоставлении феноменологии и герменевтики как двух самых широко задействованных направлений в актуальных исследованиях по данной тематике. Тем более что оба они претендуют в конечном итоге на попытку осмысления бытия в рамках событийной онтологии.

Прежде всего, для Хайдеггера понятие «Ereignis» возникает в связи с его поиском так называемого «другого начала» западной метафизики [8, с. 82–83], которое для философа является выражением радикального подозрения к традиции европейской метафизики. Истина, раскрывающаяся в событии, – ἀλήθεια – содержит в себе и момент сокрытия – λήθη, который выражается, во-первых, в истории метафизики, а во-вторых, – в культурно-техническом основании (или Gestell – по́ставе) современной эпохи [9, с. 253–254]. В этом смысле современность является непосредственным результатом истории метафизики как истории забвения бытия, а постижение несокрытости возможно как раз в ходе переосмысления сложившейся традиции [10, с. 896].

Кроме того, «поздний» Хайдеггер предлагает «продумать бытие без оглядки на сущее» [11, с. 406]. «Поворот» мышления предполагает смещение акцента с онтического и трансцендентального на непосредственно бытийный уровень. Таким образом заостряется проблематика, обозначенная тезисом об онтологической дифференции. Вместе с тем хайдеггеровский термин «Kehre» («поворот») имеет значение не только и не столько поворота, сколько оборота или обращения (также – извилина, вираж [12, с. 94]), что сближает его с понятием рефлексии [13, с. 3]. Хайдеггер не отвергает традицию, но предлагает поиск новых путей мысли, сопровождающийся непрерывной рефлексией над условиями и характером мышления, повлиявшими на то, почему ситуация современной философии сложилась таким образом, а не иначе: «Быть может, мыслитель мыслит больше того, что он знает, считает, что знает, и высказывает. Может быть, это “больше” есть то, что заставляет его мыслить и только его мысли (ihn denkt). Быть может, мы должны признать это за мыслителем, а также то, что дело обстоит именно так, если мы вообще изначально со всей серьезностью воспринимаем его как такового» [14, с. 375]. Приведенная цитата весьма убедительно иллюстрирует установку Хайдеггера, поскольку относится к работе, посвященной Гераклиту – одному из представителей досократической философии, в которой и надлежит осуществлять поиск «другого начала».

Указанные соображения подчеркивают важность герменевтической работы при обращении к концепту события. С одной стороны, можно указать на многозначность данного понятия. Более того, в основе Ereignis лежит событийное время, которое позиционирует себя как бытие. В таком понимании времени также обнаруживается многоаспектность, которую возможно вскрыть в ходе герменевтической работы. Кроме того, в событии проявляется специфика культурно-философской ситуации современности [15, с. 47]. И наконец, в историко-философском ключе понятие «событие» может выступать как событие мысли, оказывающее влияние на историю и развитие философской традиции [16], что становится существенным при необходимости рефлексии и осмысления самой философии.

Итак, рассмотрев общий контекст обращения к понятию события, а также герменевтический характер этого жеста, можно перейти к феноменологическому методу и разбору конкретных проектов. После этого будет совершен возврат к анализу герменевтических аспектов концептуализации события, поскольку они являются существенным дополнением к феноменологической стороне вопроса.

Для обоснования важности феноменологической работы в концептуализации события и событийного времени можно оттолкнуться от исходных положений, изложенных еще в «Бытии и времени». И хотя тематика события наиболее полно изложена в поздних произведениях, более ранние работы также не теряют своего философского веса [17, с. 155]; отбросить их – значит

проигнорировать важную часть контекста проблематики. Итак, в 7 параграфе «Бытия и времени» значится: «Онтология возможна только как феноменология» [18, с. 35]. Феноменология предвзвешенным образом понимается как работа по приведению к данности того, что может быть скрыто, показано неявно или же не дано [19, с. 262]. Однако же основной или конечной целью в осуществлении феноменологической работы, исходя из предпосылки ее изначальной «сокрытости» или «потаенности», выступает бытие. Оно «оказывается феноменом феноменологии в феноменологическом смысле этого слова» [20, с. 264]. Иными словами, феноменология позволяет осуществить доступ к конкретному сущему с тем, чтобы уже затем выявить его бытийный план.

В качестве промежуточного итога по концептуализации события в феноменологии и герменевтике можно подчеркнуть важность данных методов в онтологической перспективе в целом и в философии Хайдеггера в частности. Однако не стоит полностью отождествлять философию события Хайдеггера и событийную онтологию, поскольку существует множество вариантов развития данной концепции. Сначала будут рассмотрены феноменологические подходы, а затем – дан набросок герменевтической концептуализации события.

В рамках актуальной феноменологии уместно обратиться к идеям французских мыслителей – Марка Ришира, Жана-Люка Мариона и Клода Романо, для которых событие выступает в качестве основного объекта исследования. Оно является образцом феноменальности как таковой, поскольку, с одной стороны, не сводится к «конститутивной деятельности субъекта» [21, с. 72], а с другой – явление смысла и смысл явления в нем оказываются неотделимы [22, с. 51]. Иными словами, в общих чертах феноменология события направлена на тематизацию способа явленности события и основных его моментов: смысла, времени, данности.

Для Ж.-Л. Мариона ключевой характеристикой события является его данность. И если для Гуссерля редукция направлена на установление предметности (онтического порядка), а для Хайдеггера – на способ бытия (онтологический порядок), то проект Мариона предполагает редукцию к способу данности феномена. В этом смысле, с одной стороны, он тяготеет к философии фактичности (феноменология фактичности – по аналогии с хайдеггеровской герменевтикой фактичности); с другой стороны, такая установка позволяет говорить о событии как о том, что дано (*étant donné* или *es gibt*) и далее – о событии дара [23, с. 73]. Событие как дар включает в себя моменты субъективного и объективного, смысла и не-смысла, явленного и неявленного. Иными словами, Марион утверждает данность в качестве фундаментальной характеристики феномена, включающую в себя характеристики как бытия, так и небытия [24, с. 105]. В этом проявляется стремление выйти из трансцендентального диспозитива и расширить феноменологическую почву.

Для М. Ришира событие в феноменальном смысле – прежде всего событие смыслообразования, характеризующееся спонтанностью, нестабильностью и текучестью. Эти характеристики являются неотделимыми от данности, они проявляются в платоновской внезапности (*ἐξαίφνης*) события [25, с. 284]. Событие же характеризуется переходом (*Umschlag*, *μεταβολή*) из существования в видимость и обратно [26]. Однако если у Мариона редукция призвана выявить данность, то у Ришира присутствует сомнение в справедливости данного положения. Он утверждает, что вряд ли феноменология способна привести к аподиктической достоверности, вместо этого она может и должна производить удерживание события с его многоаспектной противоречивостью, которая фундирована в так называемой «архитектонической истине» [27]. Таким образом, феноменология события, по Риширу, тематизирует различные уровни смыслообразования, которые характеризуются неопределенностью и спонтанностью, однако она оказывается весьма далека от онтологической проблематики. На уровне работы со смыслами, такой смысловой феноменологии события, данный проект видится весьма ценным в методологической перспективе.

Хотя в некоторых своих положениях оба феноменологических проекта радикализуют линию Гуссерля, в целом они скорее являются её развитием и характеризуются достаточно высокой степенью преемственности.

Клод Романо в своих эссе по феноменологии события и времени сочетает критику как Гуссерля, так и Хайдеггера, формулируя собственную концепцию. Романо обращает внимание на трудности, с которыми сталкивается Гуссерль, разбирая понятие времени. Они сводятся к апории: сознание принадлежит времени (поскольку осуществляется во времени) и сознание не принадлежит времени (поскольку первое учреждает последнее) [28, с. 105]. По сути, описываемые Романо затруднения являются переложением на феноменологический лад классической временной апоретики, обозначенной еще у Аристотеля [29, с. 146–147] и Августина [30, с. 264–265]. В феноменологической перспективе Романо видит источник трудностей феноменологии времени в так называемом трансцендентальном диспозитиве, то есть в проблематике конституирования, производимого в ходе субъект-объектного отношения [31, с. 32–33, 51].

С целью установления природы времени Романо предлагает искать его источник между человеком и миром – в событии. Однако он критикует хайдеггеровское Ereignis как слишком метафизичное понятие [32, с. 64]. Романо аргументирует свою позицию тем, что Ereignis, по его мнению, носит аисторичный и внемировой характер. Однако данная критика видится следствием

непринятия широкого контекста проблематики, очерченной Хайдеггером, которая была схематично представлена ранее в данной статье. Существенным для концептуализации события является то, что Романо предлагает заниматься непрямой феноменологией времени через событие. При этом он подчеркивает важность встречи человека и мира в событии. Последнее несет преобразующий опыт для индивида, которого Романо обозначает как «пришествующий» [33, с. 74–75]. Событие преобразует человека и его картину мира, оно является его судьбой. Романо также обозначает и возможность для герменевтики события: она открывается в «авантюре» человека по отношению к событию, усвоению судьбы, событийному смыслу [34, с. 76]. Следует отметить, что и в предыдущих рассмотренных феноменологических проектах путь к герменевтике также является открытым [35, с. 288].

Характер и контекст онтологической трактовки события предполагают применение как герменевтического, так и феноменологического методов. Феноменология при этом предоставляет доступ к событию как к такой конфигурации сущего (человека и мира) во времени, которая способна ближайшим образом показать в себе сокрытое – бытие. Уже в феноменологическом методе Хайдеггера присутствуют элементы конструкции (понимание) и деструкции (критическое удостоверение понимания), которые реализуются в ходе интерпретативной дескрипции [36].

Методология онтологического разыскания финализируется герменевтической работой. Это происходит, поскольку требуется произвести онтологическое обращение к смыслу бытия, некую обратную редукции операцию. Результатом герменевтики является философское высказывание, в котором «осуществляется и завершается истолкование» [37, с. 309].

Итак, феноменология события позволяет, во-первых, сделать данный феномен предметом философского исследования. Во-вторых, она открывает в событии смысловой горизонт, в рамках которого уже ведется герменевтическая работа.

В онтологическом разрезе проблема темпоральности как смысла бытия трансформируется в поздних работах в спектр взаимосвязанных тем [38, с. 156–157], среди которых – проблемы языка, техники, истории и, что важно для настоящего исследования, события. В историко-философском ключе – Хайдеггер пытается определить условия сложившейся онтологической проблематики через осмысление и перепрочтение её истории в классических трудах [39, с. 176–177]. Оба уровня мысли сходятся в герменевтической работе над ключевыми понятиями классических текстов, среди которых важную роль играют работы Аристотеля, в частности, его понятия *φύσις* и *τέχνη* [40, с. 36]. Так, Аристотель, будучи для Хайдеггера центральной фигурой греческой философии и последующей традиции [41, с. 69], остается актуален при рассмотрении различных проблем в хайдеггеровской философии [42, с. 4–6].

Поскольку данная статья ограничена рассмотрением именно феноменологических и герменевтических аспектов в области событийной онтологии, в ней не стоит задача подробно анализировать аристотелевские импликации касательно проблемы события и времени. Однако немаловажным будет указать, что работы в этом направлении ведутся [43]. Герменевтика события приводит к выявлению парадоксальности и многоаспектности аристотелевского понятия *vūv* («теперь»). Теперь – граница, которая разделяет и соединяет время [44, с. 82]. Время и прерывно, и непрерывно, и оно показывает себя, соответственно, как число (*ἀριθμός*), и как величина (*μέγεθος*) [45, с. 84–85]. Как отмечает отечественный исследователь времени Алексей Григорьевич Черняков, такая трактовка времени необходимо предполагает именно герменевтическую работу [46, с. 55–56]. Именно такое понимание «теперь» обнаруживается в основе события как Ereignis, обуславливая специфику данного концепта и всей событийной онтологии.

Наиболее широко событие концептуализируется у Владимира Вениаминовича Бибихина в курсе лекций «Пора». Предметом рассмотрения в нем выступает событийное время. В.В. Бибихин избегает занимать какую-либо позицию: он не стремится утверждать, что время является порождением сознания, как и не доказывает тезис о реальном существовании времени. Вместо этого он указывает, что наиболее артикулированным в своей многоаспектности время выступает именно в событии или в «порé».

Герменевтический набросок поры выглядит следующим образом: событие собирает в себя мир, в том числе и человека как его часть, позволяя миру проявиться в своем свободном существовании. В этой характеристике события важны аспекты собирания, проявления, собственности (своего) и свободы. Событие дает миру проявиться в вещах (в сущем). При этом то, что проявляется, существует в модусе собственного, понятом как свобода, поскольку высвобождается из сферы нужного как практического [47, с. 239–240, 251–252]. В хайдеггеровских терминах речь идет о противопоставлении наличного и подручного.

Подобную характеристику можно найти и в ряде иных исследований, например в работе Алексея Алексеевича Грякалова, тематизирующей событие как соотношенность логоса и эстетизиса [48, с. 512].

Мотив «собирания» или объединения также весьма важен для толкования события [49, с. 514]. В.В. Бибихин говорит о «захвате» сущего и человека в том числе событием и временем

[50, с. 146–147]. Прочитывая еще аристотелевские темы через Августина, В.В. Бибихин иллюстрирует парадоксальность времени: измеряется ли время либо вещи измеряются при помощи времени? В зависимости от ответа на этот вопрос время оказывается характеристикой либо человеческого сознания (трансцендентально-идеалистический вариант), либо сущего, либо оно находится вне человека и сущего [51, с. 72]. Не давая прямого ответа на данный вопрос, В.В. Бибихин отмечает, что для того, чтобы хотя бы поднимать вопрос о времени, необходимо уже иметь некоторое предпонимание или представление об этом явлении, иными словами, находиться с ним в одном горизонте. В качестве такого горизонта и выступает событие. Человек оказывается способен рассуждать о времени и событиях, потому что он уже захвачен глобальным событием мира и его событийным временем. Однако философское вопрошание об этих понятиях требует совершения обращения к наличной сути событийной ситуации. В.В. Бибихин называет это обращение «сменой аспекта» (*Aspektwandel*) [52, с. 32–33], не окажется неуместной и параллель с хайдеггеровским *Umschlag* и аристотелевским *μεταβολή* [53, с. 307], которые уже упоминались ранее в феноменологической перспективе.

В заключение хочется отметить, что в литературе часто можно встретить тезисы о «герменевтическом характере феноменологического метода» Хайдеггера [54, с. 279] либо же о его «феноменологической герменевтике» [55, с. 87]. И хотя философия Хайдеггера является важной для событийной онтологии, последняя не исчерпывается ею. Поэтому в рамках данной статьи не предполагалось поставить точку в определении метода Хайдеггера. Показано, каким образом событие может концептуализироваться в различных вариативных феноменологических и герменевтических подходах. Феноменология обеспечивает необходимый уровень методологической последовательности в реализации онтологического подхода к событию. Герменевтика позволяет раскрыть круг тем, оказывающихся важными для бытийной основы события. Кроме того, она стимулирует самопознание путем переосмысления традиции.

Указанный вывод может показаться весьма общим, но при этом является важным для философии. В своем докладе «Об утрате очевидности» А.Г. Черняков проблематизирует очевидность как характеристику того, что достигается в ходе редукции, осуществляемой в процессе познания [56, с. 26–27, 40–41]. Если очевидность, как он иллюстрирует, по причине природы мыслительной и лингвистической деятельности не может быть беспредпосылочной (то есть очевидной), то на определенном базовом уровне не остается иной стратегии, кроме как вслед за указанием на что-то (например, на бытие или событие) идти по кругу связанных понятий с конструктивным приращением смысла. Именно в результате такого движения путем редукции, а затем – обратной герменевтической реконструкции происходит самопознание и переосмысление традиции. В свете этого слова Хайдеггера о событии звучат не просто как литературная тавтология: «Что остается сказать? Только это: событие сбывается. Тем самым мы говорим из того же о том же ради того же. По видимости, это не говорит ничего. Это ничего и не говорит, пока мы слышим сказанное как голую фразу и выдаем ее на прослушание логике. Но что если мы будем неослабно принимать сказанное как опору для продумывания и вспомним, что тожество – это вовсе даже не что-то новое, а древнейшее из древнего в западной мысли: то прадревнее, что таится в имени а-летейя» [57, с. 406].

Список источников:

1. Романенко Ю.М., Лебедев С.П. Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 10–12.
2. Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 391–406.
3. Горбунова А.Г. Событие как философская проблема: подходы к определению // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1 (167). С. 129–135.
4. Хоружий С.С. Человек и Событие : фрагмент из книги «Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии» // М. Хайдеггер: pro et contra, антология. Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли. СПб., 2020. С. 357–372.
5. Там же. С. 357.
6. Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Ранний Хайдеггер. М., 2009. С. 493–520; Хоружий С.С. Указ. соч. С. 357.
7. Хоружий С.С. Указ. соч. С. 358.
8. Хайдеггер М. К философии (о событии). М., 2020. 640 с.
9. Хайдеггер М. Поворот // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 253–258.
10. Фалёв Е.В. Хайдеггер и философская традиция – повторение и возобновление // М. Хайдеггер: pro et contra, антология. Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли. СПб., 2020. С. 892–903.
11. Хайдеггер М. Время и бытие ... С. 406.
12. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1 (10). С. 93–108.
13. Романенко Ю.М. Понятия «рефлексия» и «спекуляция» в античной философии // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы : материалы 11-й международной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 27–30 декабря 2000 года. СПб., 2000. С. 3–6.
14. Хайдеггер М. Гераклит. СПб., 2011. 503 с.

15. Грякалов А.А. Философия современности и антропология события // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5, № 10. С. 46–58.
16. Романенко Ю.М. Событийная история философии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101). С. 307–314 ; Žižek S. Event. L., 2014. 212 p.
17. Пёгглер О. Новые пути с Хайдеггером. СПб., 2019. 637 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011. 460 с.
19. Паткуль А.Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб., 2020. 810 с.
20. Там же. С. 264.
21. Чернавин Г.И. Новая феноменология во Франции: проекты Ж.-Л. Мариона и М. Ришира // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 71–77.
22. Романо К. Авантюра времени. М., 2017. 220 с.
23. Чернавин Г.И. Указ. соч. С. 73.
24. Ямпольская А.В. Жан-Люк Марион и редукция к данности // Философские науки. 2013. № 2. С. 100–114.
25. Ямпольская А.В., Чернавин Г.И. Обзор международной конференции «Новая феноменология во Франции» (7–8 марта 2012 г. Париж, Франция) // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012. Т. 1, № -2. С. 282–288.
26. Там же.
27. Там же.
28. Романо К. Указ. соч. С. 105.
29. Аристотель. Физика // Сочинения : в 4-х т. М., 1981. Т. 3. 830 с.
30. Аврелий Августин. Исповедь. Минск, 2006. 335 с.
31. Романо К. Указ. соч. С. 32–33, 51.
32. Там же. С. 64.
33. Там же. С. 74–75.
34. Там же. С. 76.
35. Ямпольская А.В., Чернавин Г.И. Указ. соч. С. 288.
36. Паткуль А.Б. Указ. соч. С. 277–278 ; Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen ausgewählter Abhandlungen des Aristoteles zur Ontologie und Logik. M., 2005. 451 s.
37. Паткуль А.Б. Указ. соч. С. 309.
38. Пёгглер О. Указ. соч. С. 156–157.
39. Фалёв Е.В. Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб., 2008. 224 с.
40. Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techné* и *physis*. Статья вторая. «Подлинная техника» // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 1 (7). С. 36–46.
41. Фигал Г. Хайдеггер как последователь Аристотеля // Гермения. 2013. № 1 (5). С. 57–83.
42. Артеменко Н.А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». СПб., 2012. 128 с.
43. Бибахин В.В. Пора (время-бытие). СПб., 2015. 367 с. ; Деррида Ж. Ousia и grammé. Примечание к одному примечанию из «Sein und Zeit» // Поля философии. М., 2012. С. 52–94 ; Дурнев А.Д. Онтология времени Аристотеля: от метафизики к событийности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, № 2. С. 57–64. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.21.2.004> ; Романенко Ю.М. Событие античной онтологии в исторической перспективе. Такт второй: Платон – Аристотель // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 65–76. <https://doi.org/10.18721/JHSS.8307>.
44. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001. 460 с.
45. Там же. С. 84–85.
46. Там же. С. 55–56.
47. Бибахин В.В. Указ. соч. С. 239–240, 251–252.
48. Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб., 2019. 567 с.
49. Там же. С. 514.
50. Бибахин В.В. Указ. соч. С. 146–147.
51. Там же. С. 72.
52. Там же. С. 32–33.
53. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 445 с.
54. Паткуль А.Б. Указ. соч. С. 279.
55. Фалёв Е.В. Указ. соч. С. 87.
56. Черняков А.Г. Об утрате очевидности // Res cogitans. 2015. № 8. С. 12–41.
57. Хайдеггер М. Время и бытие ... С. 406.

Информация об авторе

А.Д. Дурнев – магистр философии, соискатель кафедры философии института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; преподаватель в институте международного развития и партнерства Национального исследовательского университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=971401.

Information about the author

A.D. Durnev – Master of Philosophy, PhD applicant of the Philosophy Department, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia; Lecturer, Institute of International Development and Partnership, Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=971401.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.07.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.08.2021.